

источники, использованные Д. Ангеловым, в частности свидетельства Михаила Сирийского, не дают оснований для вышеизложенных выводов.

Лишев развивает свою концепцию формирования феодальных отношений в Болгарии. Вопреки распространенному мнению о том, что в VII в. у славян родовые отношения уже распались, Липшев считает, что родовые отношения еще в значительной мере сохранялись в VII—VIII вв. В этот период славянская община носила переходный характер. В ней сохранились черты родовой общины и появились уже черты, свойственные общине-марке. Частная собственность аллодиального типа еще не сложилась. Хотя и существовала наследственная государственная власть, но общество этого времени еще не являлось классовым. К этому периоду относится только начало процесса классовобразования. Крупная частная собственность на землю, равно как и феодальный эксплуатация, отсутствовали. У протоболгар в период их вторжения на Балканский полуостров также не существовало еще феодальных отношений. Кстати, основываясь на данных последних достижений археологии, Липшев считает, что протоболгары составляли отнюдь не малочисленную дружину—точка зрения, получившая значительное распространение в литературе,— а большое количество населения. Сравнительно медленные темпы формирования феодальных отношений в Болгарии Липшев объясняет состоянием производительных сил в стране. В разных районах уровень производительных сил был неодинаков. Если в Нижней Мезии существовала преемственность от античной культуры, то в Северной Болгарии и Добрудже было чрезвычайно редкое население и имелись огромные пространства запущенных земель. Постепенное развитие производительных сил привело в IX—X вв. к прогрессированию процесса обособления частной собственности и разложения общины. К этому времени относится распространение общины-марки. К X в. окончательно формируется аллодиальная собственность. Формирование феодализма в Болгарии отстает от развития феодальных отношений в Византии. В юго-западной Болгарии особенно долго сохраняются черты земледельческой общины. Хотя крупная собственность уже существовала в IX—X вв., однако она не распространялась на всю общину. Термин «властель», как показывает Липшев, не имел в этот период значения «земельный собственник», как это обычно считают, а обозначал государственного чиновника. Для обозначения крупного собственника употреблялись термины «господарь», «господин». Процесс закрепощения начинается, по мнению Липшева, только при Круме, т. е. в начале IX в., но до начала XI в. этот процесс происходил медленными темпами.

Выводы Липшева, полагающего, что темпы развития феодальных отношений в Болгарии были более медленными, чем считают некоторые исследователи, в частности Д. Ангелов, представляются вполне убедительными.

Книга Липшева, бесспорно, представляет собой существенный вклад в развитие марксистской исторической науки.

К. Х.

Н. П. СОКОЛОВ. ОБРАЗОВАНИЕ ВЕНЕЦИАНСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ ИМПЕРИИ

Саратов, 1963, 542 стр.

Обширная монография горьковского историка Н. П. Соколова посвящена экспансии Венеции на Восток в X—XIII вв. и, таким образом, по своей тематике тесно связана с проблемами византиноведения. Это плод многолетнего исследования, результаты которого частично уже известны по большому числу статей, опубликованных в различных журналах¹. Уже обзор источников (стр. 12—51) свидетельствует о колоссальном труде, проделанном автором: он использовал документальные и нарративные памятники, в том числе венецианские, византийские, возникшие в латинских государствах Востока и в далматинских городах, арабские, генуэзские, французские, немецкие...

Естественно, что при таком широком круге источников Соколов не всегда может быть точен в их характеристике. Это относится, в частности, к византийским памятникам. Автор нередко пользуется старыми изданиями, не привлекая, к примеру, издание «Алексиады» Б. Лейба или «Морейской хроники» Шмитта. Говоря об описании Анны Комниной византино-венецианской войны против норманнов (стр. 20), следовало бы указать, что ее сведения об этих событиях восходят к общему источнику с хроникой Вилгельма Апулийского. Из сочинений Евстафия Солунского Соколов упоминает лишь «Взятие Солуни», тогда как знаменитый ритор посвятил одну из речей борьбе Мануила с венецианцами, и в частности осаде Анконы². Говоря на стр. 37 и сл. о

¹ См., например, Н. П. Соколов. Восточная политика венецианской плутократии.—«Уч. зап. Горьковского гос. ун-та», V, 1950; он же. К вопросу о взаимоотношениях Византии и Венеции в последние годы правления Комнинов (1171—1185).—ВВ, V, 1952; он же. Венецианская доля в византийском наследстве.—ВВ, VI, 1953.

² См. особенно: W. R e g e l. Fontes rerum byzantinarum, pars I. Petropoli, 1892, p. 111—114.

хрисулулах византийских императоров Алексея I Коломанна (!), Мануила, Алексея III и др., следовало дать ссылки на «Регесты» Ф. Дольгера. Использование «Регест» позволило бы Соколову избежать некоторых неточностей. Так, на стр. 37 он говорит о хрисуле 1199 г. — имеется в виду грамота от ноября 1198 г. (Reg. № 1647), на стр. 447 идет речь о привилегиях 1169 или 1170 г. — надо от октября 1169 г. (Reg. № 1488).

Еще более обширны главы, посвященные необозримой литературе по истории Венеции (стр. 51—143). Соколов начинает с трудов XV в. и доходит до последних лет (Р. Чесси, Дж. Луццатто, Ф. Тирье, А. Вааса). Он разделяет литературу на ряд разрядов: отдельно выделены труды по истории хозяйства, по истории венецианских колоний, отдельно труды русских историков западного средневековья, русских византистов и т. д. Подобный метод при всех его достоинствах имеет существенный недостаток: исчезает, дробится основная линия развития историографии. К тому же Соколов нередко полемизирует в историографических главах по сравнительно частным вопросам (например, о территориальных приобретениях Венеции в результате IV крестового похода — см. стр. 65, 84, 88, 110, 117), что, на мой взгляд, затеняет представление об общем процессе изучения проблемы.

Конечно, невозможно предполагать, что историография такого объема может быть составлена без пропусков. Особенно досадное упущение, на мой взгляд, — работы Ф. Коньяссо и И. Данструпа³, в которых впервые были пересмотрены традиционные представления о византино-венецианских отношениях в 70-е и 80-е годы XII в., что Соколов считает одним из важнейших своих достижений (стр. 493). Соколов подробно останавливается здесь на советских учебниках (стр. 138 и сл.), но не упоминает о трудах М. А. Заборова, где большое внимание уделено IV крестовому походу (см., однако, стр. 456), ни о книге К. Н. Юзбашьяна, ни о статьях М. Я. Сюзюмова и М. М. Фрейденберга.

К сожалению, оценки трудов советских ученых не всегда свободны от субъективизма: так, при изложении интересной работы Е. Ч. Скржинской (стр. 139 и сл.) центр тяжести перенесен на погрешности этой статьи; напротив, «все, что в книге проф. Левченко относится к венецианской истории, стоит обычно, — по утверждению Соколова (стр. 141), — в своей фактической части на высоте современного научного знания». Это не мешает автору через несколько строк «отметить, что те факты, которые относятся к истории взаимоотношений Византии и Венеции, излагаются проф. Левченко с повторением ряда ошибок».

Соколов детально и тщательно прослеживает рост венецианской колониальной державы от первых попыток укрепиться на восточном берегу Адриатики до IV крестового похода и захвата значительной части византийских земель (один из интереснейших выводов автора как раз и посвящен определению венецианской доли «византийского наследия»). Ряд разделов имеет непосредственное отношение к византиноведению, а именно «Борьба Венеции против арабов» (стр. 187—191; здесь надо уточнить некоторые даты: захват Палермо относится к 831, а не к 830 г., захват Тарента — к 839/40, а не к 840 г.⁴); «Защита коммуникаций с Востоком» (стр. 229—236), где идет речь о византино-венецианской войне против норманнов при Алексее I; «Венеция и Византия в их взаимоотношениях в XII в.» (стр. 281—319; отмечу попутно, что на стр. 288 Соколов относит военные действия византийцев против сербов при Иоанне II ко времени *после* венгерского конфликта — в действительности, порядок был обратный⁵); «Роль Венеции в организации и направлении Четвертого крестового похода» (стр. 358—383), где Соколов доказывает, что именно Венеция была душой похода на Константинополь; «Венецианская доля в византийском наследстве» (стр. 383—408).

Книга Соколова содержит много данных также о взаимоотношениях Венеции с южными славянами. Найдет в ней для себя интересный материал и историк Руси: так, Соколов специально останавливается на термине Ῥωσία в византийских памятниках XII — XIII вв. (стр. 447—450), склоняясь к мысли, что «Россия» в хрисуле Мануила генуэзцам от 1169 г. — не незначительный географический пункт в Северном Причерноморье, а Киевская Русь. По мысли Соколова, хрисуле 1169 г. запрещает генуэзцам торговать во всем Северном Причерноморье. Впрочем, подобное истолкование термина «Россия» не бесспорно: автору следовало бы рассмотреть все известия о термине Ῥωσία и учесть относящуюся сюда литературу (А. Соловьев, Н. Бэнеску и др.).

А. К.

³ F. C o g n a s s o. Partiti politici e lotte dinastiche in Bizancio alla morte di Manuele Comneno. Torino, 1912; I. D a n s t r u p. Recherches critiques sur Andronicos I-er. Lund, 1945 (см. о ней F. D ö l g e r. — ВЗ, 43, 1950, S. 135). По истории византино-венецианской борьбы при Мануиле см. еще P. L a m m a. Comneni e Stauffer, vol. I. Roma, 1957, p. 205—227.

⁴ A. V a s i l i e v. Byzance et les arabes, t. I. Bruxelles, 1935, p. 439, 441.

⁵ См. А. П. К а ж д а н. Еще раз о Кяннаме и Никите Хониате. — ВЗ, 24, 1963, p. 11 sq.